

Мишель Демион
перевод
Шатьяна Демион

18+

Последняя тайна

Поля Тогена

Мишель Демион

Последняя Тайна Поля Гогена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43689754

SelfPub; 2019

Аннотация

Действие романа происходит в современной Франции. Главный герой Франк, пройдя службу в иностранном легионе, решил уйти на отдых. Его планы нарушает настойчивая просьба доктора Шнебеля, у которого пропала 15-летняя дочь Гвен. Франк неохотно отправляется на поиски юной авантюристки. По сюжету романа проходят картины и последние годы жизни Поля Гогена на Маркизских островах. Происходящие события заставили Франка переосмыслить печальную историю художника в ином свете и понять другую сторону продажи шедевров мировой значимости. В итоге Франк спасает девушку из лап мафиози. Но какой ценой?

Содержание

Предисловие	5
Девушка	7
Накануне вечером	9
Сегодня	47
Конец ознакомительного фрагмента.	71

*Я буду искать повсюду, даже в своих
сновидениях, ответ на непостижимую загадку
жизни:*

Откуда мы пришли?

Кто мы? Куда мы идём?

Поль Гоген

Предупреждение

За исключением колодца, находок и всего, что касается Поля Гогена, персонажи и ситуации есть не что иное, как плод воображения автора.

Проявление благодарности

Я должен выразить признательность искателям, а именно, Жану Сокуру, у которого я имел счастье провести несколько дней, а также его друзьям организаторам раскопок: Сержу Лёкордье, Кристиану Гобиль, Джо Реусу, Ришару Сокуру, Тематэ Лёкордье, Жан-Марку Тиитэ и Натали Гарсиа, также Каролин Бойл-Тёрнер искусствоведу и известному Гогенисту.

Я хочу поблагодарить мою музу Таню, вдохновляющую меня на мой труд.

Предисловие

Впервые я открыл для себя Маркизские острова осенью 1993 после моего назначения прокурором Республики во французской Полинезии. Выездные судебные заседания проходили на больших островах этого архипелага, что позволяло мне работать на месте, проводя часть времени в мэриях местных деревень, расследуя мелкие кражи, насилие, запрет на выращенную коноплю и другие правонарушения. Задержанных перевозили в Папеэте в территориально исполнительный суд, который находился в более тысячи километров от мест их обитания.

После судебного заседания, которое состоялось в мэрии Атуона, в Хива-Оа ночь наступила довольно быстро, и у меня оставалось время, чтобы посетить дом Удовольствий, дом, где жил Поль Гоген. Я не знал о существовании колодца у этого дома.

К тому же Маркизы обладают пейзажами такой красоты и одновременно крайней дикости, что захватывало дух. Бухты и белые песчаные пляжи, заставляющие мечтать бретонцев, изнурённых ветрами Атлантики и вечно-морозящими дождями в середине зимы, в действительности же были поражены колониями комаров «попо», укусы которых вызывали страшную тропическую лихорадку. В непосредственной близости от океана, в десяти шагах от кромки песчаного пля-

жа, видно было, как черные плавники акул разрезают поверхность воды. Я не был уверен, что они безобидны, как утверждали местные жители.

Именно после этой экспедиции, Мишель Демион бретонец нашёл на глубине колодца у дома Гогена чернильницу, которая и спровоцировала его написать этот триллер.

Жан-Пьер ДРЕНУ

генеральный прокурор Монако

Девушка

Облака зарделись красным цветом заката с коричнево-золотистым ореолом, что предвещало конец вечера дождливым. Через окно было видно, как раздуваются алые тучи на западном горизонте. Запах, усиленный разлагающимися водорослями, заставил меня сильно чихать, если это только был не воск, которым смазали старую мебель или запах обветшалой одежды, наполняющей ящики, как это красиво описывал Артюр Рамбо в своей поэме "Буфет".

Передо мной расстился пляж цвета бронзовой патины и волны, жадно пожирающие песок. Прилив пребывал с большой силой, и краснеющие сумерки накрывали поверхность океана. Мне казалось, что океан обнимает небо, меняя то тут то там тёмные пятна на поверхности.

В моей голове непрерывный поток воспоминаний переплетался с настоящим, как унылый танец фарандола. Эта история поглотила меня полностью, бросая в горло пламени непостижимого чувства вины. Я провёл рукой по лицу. Старое позолоченное зеркало, покрытое мелкими темными трещинами, отражало моё искажённое лицо после непредвиденных событий вчерашнего вечера.

Пиджак на стуле испачкан кровью, не моей кровью. Мне нужно было сжечь его из-за предосторожности, чтобы устранить любые последствия.

Я знал, что скрыть насилие было невозможно. Ненависть и страх не исчезают так просто. Достаточно пустяка, чтобы вас охватила ярость: момент одиночества, приступ ностальгии. Достаточно было ничтожного воспоминания и приходил страх безысходности положения, когда механизм срабатывал неумолимо.

Тревога в моей душе подобно шарик у йо-йо: то падала, то резко поднималась. Губы были сомкнуты, но из души вырывался отчаянный крик загнанного зверя. Тихий крик и желание всё бросить.

Зачем я пошёл в этот бар в мрачном тупике Лорьяна? Спасти девчонку и помочь её отцу? Воспоминание того, что произошло, было ещё живо и тревожило меня. Дом наполнялся ужасными призраками, когда резкий телефонный звонок вывел меня из оцепенения. Преодолев границы здравого смысла, я окунулся в историю, которая меня никак не касалась.

Я проклинал себя, думая о Гюсе, о Шнебеле и других.

Накануне вечером

От Лармор-Пляж к Лорьян, дорога вела к Кервенанек, престижному району из особняков, построенному недалеко от небольшого озера Тэр. Эта запруда с морской водой, связана шлюзом с заливом. У залива была бывшая немецкая подводная база, ужасное бетонное сооружение. Напротив морской базы сотни парусных яхт находили себе пристанище на ночь.

Я забрал свою машину и, медленно направился к пригороду Лорьяна. Сумерки сгущались над спускающимся проспектом, бледные дома которого розовели в лучах заходящего солнца. Это создавало странное впечатление города, всплывающего из неизвестности.

Дорога у светофора была свободна, и я быстро повернул направо. В центре квартала находился коммерческий центр с кое-какими магазинчиками и бистро со стенами с облупившейся штукатуркой. Я припарковался на стоянке, с давно протёршимися белыми разметками, рядом со старым драндулетом, марку которого трудно было понять.

Группа молодых людей, усевшись на землю, распивала пиво прямо из бутылок, прислонившись к стене, загораживая проход в здание. Я прошёл мимо них, направляясь к бару. Вывеска «Хамелеон», плохо различаемая с приходом вечера, была прикреплена на выкрашенном в белый цвет дере-

вянном щите сверху здания. Окна завешены серыми шторами, дверь в центре закрыта.

Открыв дверь, я вошёл в бар, что тут же озвучил непрерывный звон колокольчика за моей спиной.

Уже на пороге я понял, что исчезновение Гвен поменяет ход событий и ожидания. Это не просто бегство, мятеж подростка против отца, это нечто иное.

Опасность, витающая в бистро, пугала, как, рыскающая вокруг пустых урн, голодная собака. Я очутился в грязном засаленном баре. Запах плохого табака и пива смешивался с запахом людей, забывших, что такое душ. Свет скупо пробивался сквозь грязные окна, наполовину скрытые шторами. Около двадцати посетителей, группами по пять шесть человек, сидели у столов, которые когда-то были полированными. Они играли в домино или кости, поглядывая одним глазом на блеклый экран телевизора, показывающий бега. Пивные стаканы, наполненные и пустые, быстро менялись перед посетителями.

Ни одной женщины, никого кроме тех типов, что проводят время за игрой и выпивкой. Время от времени, один из них ударял домино по столу. В глубине бара у телевизора сидел смуглый парнишка с красивой мордашкой и тонкими сжатыми губами. Другой развалился на двух стульях, он был одет в спортивную одежду из светоотражающей ткани. Ещё один крепкий паренёк, как бы насмехаясь над запретом курить, пускал в потолок голубые кольца табачного дыма.

За барной стойкой, заваленной влажными подстаканниками под пиво, не отрывая глаз от меня, стоял бармен, подперев своё одутловатое лицо руками. Спичка, зажата между пальцами, напоминающие зубы. Я прошёл к стойке, ощущая спиной тяжесть всех взглядов, направленных в мою сторону, и уселся напротив большого, засиженного мухами, зеркала, чтобы лучше наблюдать за залом. Взяв фотографию Гвен, где она была снята в платье, я сунул под нос бармену:

– Помнишь эту девушку? Я знаю, что она села в машину Гюса в понедельник.

Он что-то промямлил, машинально пожёвывая свою спичку прежде, чем сказать, пришепётывая:

– Не знаю, но Гюс здесь.

Он слегка повысил голос, показывая на типа, который оказался за моей спиной.

– Гюс, этот парень тебя ищет!

Моя голова машинально втянулась в плечи, когда тип опустил шторы и закрыл дверь ключом. Я медленно обвёл зал глазами. Громила негр резко встал, пинком опрокинув свой стул. Два других африканца нарисовались за его спиной, два больших расхлябанных парня с остекленевшими рыбьими глазами. Остальные глазели на нас ухмыляясь. В воздухе повисло предчувствие драки.

Я повернулся, опустив руки вдоль тела, чтобы придать видимость спокойствия, зная, что тот, кто нападёт первым, будет иметь преимущество. Гюс взял бильярдный кий и при-

близился ко мне с подходом танцора. В трёх шагах напротив я почувствовал его дурное дыхание:

– Чего тебе надо от Гюса, старичок? Что ты хочешь, белая задница?

Я посмотрел на него. Его глаза налились кровью и злобным раскалившимся блеском. Взгляд метал молнии, а лицо напоминало магму вулкана, вот-вот готовую к извержению.

– Я хочу знать, где Гвен Шнебель! Она села в твою тачку в понедельник, с тех пор её никто не видел!

– Ты, твою мать, кто для неё, ты белая задница?

Я посмотрел на кий бильярда, который начинал возвратно-поступательные движения в правой руке Гюса, напоминающая маятник часов. Двое других за его спиной ухмылялись с видом послушных щенков, следующих за своим хозяином. Наркотическое опьянение плавало в их глазах.

Лицо Гюса, с выступившими каплями пота, выражало злость. Оно походило на маску мёртвого Вуду, увенчанную вьющейся шевелюрой. Покачивание бильярдного кия, готового к удару, усиливалось.

Неожиданный бросок в сторону моей головы заставил меня машинально увернуться влево, и кий с шумом обрушился на руку бармена, раздробив его кисть. Он не мог предвидеть такого и от неожиданности принялся горланить. Резко развернувшись, я нанёс мощный удар по рёбрам Гюса так, что он скрючился, наклонившись вперёд. Апперкотом слева я нанёс удар по челюсти. Распластав руки, как будто ища

опоры, он с грохотом упал, разбив с шумом стол. Улучив момент, я уже был сверху, и нанёс резкий удар ботинком по голове. Кровь хлынула из его носа как сок из спелого плода.

Бармен вырыл из-под барной стойки обрез ружья. Я признал в нём шести зарядный обрез Марвик 88. Будучи в невыгодном положении от полученного в руку ранения, он не мог быстро двигаться. Я воспользовался этим, вырвав у него ружьё, и показав, что я не шучу, повернулся к другим, выстрелив в потолок. Крупная лампочка, разбившись, разлетелась стеклянными брызгами на типов, которые скучились в углу зала. Обогнув стойку и сжимая ствол как бейсбольную биту, я ударил им по голове бармена. Его голова уткнулась в стеклянную витрину, заставленную бутылками аперитива. Всё шумно рухнуло, и жидкости разных цветов, стекая по полкам и его одежде, превратились в золотистую вожделенную лужу на полу быстро. Бармен упал, как подкошенный, между мойкой и шкафами буфета.

Наспех открывая все ящики, я нашёл коробку боеприпасов в глубине одного из них и быстро перезарядил ружьё недостающими патронами. Оба охранника Гюса бросились к посетителям, которые испуганно скучились в углу зала под телевизором.

Снаружи начинался дождь. Дождь стучал по крыше над головами как барабанная дробь. Из переполненных желобов хлюпала вода. В «Хамелеоне» воцарилась мёртвая тишина. Я заорал:

– Я хочу знать, где Гвен Шнебель!

Никто не открыл рта, как если бы они были заклеены скотчем. Казалось, что-то вроде негласной договорённости плавало в воздухе между людьми в баре. Нервный гнев заставил кулаки резко сжаться.

– Я не собираюсь повторять дважды. Если я не получу ответа, вначале пристрелю весельчаков, прихвостней Гюса, затем остальных пока кто-то не заговорит.

Я направил ружье на первого из охранников Гюса и выстрелил по его ногам. Тип заорал как резанный, кровь начала сочиться от ранения свинцовой дробью. Он упал на пол, держась за ноги. Сила куда-то сразу подевалась, исказив его лицо глубокими морщинами и темными кругами под глазами. Глаза наполнились слезами от боли и унижения. Рыдая, он прислонился к ножке стола и был похож на грязного пацана, задумавшего что-то неладное на улице.

– По второму!?

Я медленно перемещаю прицел по залу и целюсь во второго прихвостня Гюса.

Он заорал в панике:

– Я ничего не знаю! Если бы я знал что-то, я вам сказал бы!

Он испуганно закрыл лицо руками, хотя его оскал с приподнятой губой не предвещал мне ничего хорошего. Нужно было сматываться отсюда и побыстрее.

В глубине бара я заметил двух типов, которые пыта-

лись перемещаться, прикрываясь другими. Вдруг меня резко осветили огни фар автомобиля. Это машина остановилась перед входом. Первая мысль была направиться к ней. Но я быстро осознал, что один и вооружён всего лишь шестизарядным ружьём. Если они все ринутся на меня, я не смогу сопротивляться. Их надо опередить. Я снова выстрелил в потолок выше толпы. Неоновая лампа взорвалась, обрушившись каскадом осколков на головы. Все попрятались кто куда, за стулья, под столы. Внушительного вида человек с чёрными с проседью усами и лысеющей головой, со слишком отодвинутой назад большой шляпой, укоризненно покачал головой. Казалось, он вовсе не встревожен перестрелкой, а его глаза на выкате просто ухмылялись. Я всегда остерегался невозмутимых типов в такие напряжённые моменты, поэтому зацепил за него свой взгляд. На полу копошился Гюс рядом с парнем, которому я прострелил ноги. Я вышел из-под укрытия стойки, нанеся удар ногой по бармену, чтобы привести его в чувства.

– Куда ведёт дверь рядом с баром?

Кровь заливала его рот и сочилась из носа. Изуродованный, он промямлил слабым голосом:

– Ко мне и наружу...

Я подошёл к Гюсу, схватил его за шиворот и потянул за собой, одновременно не отрывая взгляда от других шутников, присутствующих при этой сцене. Открыв дверь, я затолкнул Гюса в служебный проход. Два запора на двери поз-

воляли закрыть дверь наглухо. Я потянул задвижки, заперев дверь, и резким ударом свалил Гюса с ног. Он потерял сознание. Повернув налево, я оказался во дворе, полным ящиков для бутылок и бочек пива. Что-то вроде грязного стеклянного купола служило потолком на этом складе. Я быстро пробежал между хламом и мусорными баками. В противоположной стене я нашёл выходящую на улицу металлическую дверь. Открыв её ударом плеча, я огляделся. Улица, соединяющая коммерческие лавки, была пустынна. Дождь лил как из ведра.

Моя машина ждала за углом. Я быстро завёл авто и, дав задний ход, вернулся за Гюсом. Дотащив, я запихнул его на заднее сиденье. Полностью промокший, я быстро обежал автомобиль, и не имея времени на передышку, уселся за руль, придерживая ружье на коленях.

Фары на мгновение осветили «Хамелеон». Внутри была темнота, бар казался пустынным. Я выехал из Кервенанек и после светофора повернул направо в направлении берега. В зеркале заднего вида никого не было видно, значит меня не преследовали.

Дождь не прекращался, дворники авто будто взбесились. Я ехал медленно. В свете фар струи дождя на лобовом стекле, казалось, вырисовывали тюремную решётку. Настоящий потоп обрушился на Лорьян, ещё больше омрачая ночь. И почему я взбудоражил это осиное гнездо в баре? Из-за телефонного звонка три дня назад или из-за горечи, которая не

давала мне покоя, как ноющая назойливая боль. Я вспомнил тот вечер такой близкий и такой далёкий и моё навязчивое желание играть роль доброго Самаритянина.

* * *

Я был во Франции уже более месяца, чтобы урегулировать свои дела, которые были на стадии завершения. Умер мой отец, а с ним и часть моей счастливой юности. Мрачная меланхолия накрыла моё сознание непроницаемым туманом. Совсем не ностальгия, а глубокая грусть укоряла за мои годы отсутствия. Я покинул отца в девятнадцать лет, чтобы объездить весь мир, позабыв о его существовании. Он остался совсем один. Письмо нотариуса, полученное месяц назад, заставило меня вернуться во Францию. И вот я здесь.

Я оставил Клэр в Париже. Она вернулась в своё маленькое жилище департамента Эна. Должно быть, там она нашла своих бывших друзей лётчиков с базы Крей.

Я стоял у окна и смотрел на море. Этот дом теперь был моим, и я не знал, что с ним делать. То была буржуазная вилла, построенная на побережье больше 50 лет назад, окружённая соснами. С дубовой мебелью, покрытой воском, со старомодными кружевными занавесками и облупившейся краской на стенах, она больше напоминала некий реликт, что-то вроде остатков кораблекрушения, выброшенных на берег моря. У дома был запах печали и затхлости.

У нотариуса мне пришлось маневрировать между моим прошлым и моим настоящим с фальшивым паспортом. Эта сумятица требовала от меня чрезвычайной осторожности. В конечном счёте я удачно выпутался из всех формальностей и унаследовал отцовский дом. Дом, у которого был свой запах и свои привычки.

Через окно я наблюдал, как силуэты людей поднимались с пляжа под начинающимся дождём, пока большая волна, ударившись о скалу и разбрызгивая снопы пены, не заставила их вовсе удалиться.

В осиротевшем доме такая глубокая тишина, что я боялся потревожить её, чтобы не пробудить воспоминания прошлого. Иногда скрипучие половицы и стропила нарушали тишину виллы, как будто для того, чтобы внести ноту тревоги в то спокойствие, которое, казалось, царило в жилище.

В такой зимний вечер, когда пейзаж тонул в мороси дождя, ничего не оставалось, как усесться в старое кресло и наблюдать. Струи дождя цеплялись за всё, обвиваясь вокруг единственного фонарного столба в его жёлтом мягком освещении.

Морозящий дождь, обволакивающий голые скелеты деревьев, казалось, проникал везде и повсюду.

Глядя сквозь оконные квадраты, я терзался мыслью, что сделать, как забыть о насилии, перенесённом в прошлом году. Это чувство накапливалось во мне, как бомба замедленного действия.

Мелкий дождь облизывал пляж, а ближе к западу, где заходит солнце, со стороны Лорьяна небо стало проясняться. Влажная дрожь пробежала по тёмному песку. Вдруг луч света прорезал колыхание воды. Должно быть, яхта возвращалась в порт. Белая кромка пены обвивалась вокруг мыса, пытаясь нарисовать незыблемый круг. Эта кромка ещё больше подчёркивала тёмную монохромность морского пространства. Ветер завивал кружева набегающих волн. Они просачивались невидимыми в песок, наполняя морской прилив.

События, которые я пытался забыть, вновь и вновь возвращались, будоража моё сознание, как зловонные пузыри, вырывающиеся наружу из застоявшейся тухлой воды. Пережитый кошмар опять давал волю разгуляться невыносимым страданиям. Память, полная тех воспоминаний, вновь возвращала к той тонкой грани балансирования между жизнью и смертью. Это было время, когда СМЕРТЬ смотрела мне в глаза с ухмылкой.

«Струя холодной воды в третий раз отбросила меня к стене. Моя голова сильно ударилась о каменную кладку. Меня бросило в дрожь. Десны болели и кровоточили из-за сильно сжатых зубов. Я пробовал защищаться, как мог, двумя скрещёнными руками, закрываясь от его лица...»

Я потряс головой. Мне хотелось напиться до смерти, чтобы изгнать эти кошмарные сцены из глубин моей памяти. Внезапно телефон прорвал тишину, возвращая меня к пе-

чальной действительности. В пустом доме он звучал пугающе и нелепо. После шестой попытки, я всё же подошёл. Кто мог мне звонить сюда? Мало кто, в общей сложности, кроме Клэр и нотариуса, знали, что я находился в старом отцовском доме недалеко от Лорьяна.

– Франк?

Я ответил раздражённым голосом, не узнавая человека на другом конце:

– Да.

– Я вам звоню по рекомендации Клэр.

Голос человека, казался тревожным с придыханием на конце линии. Он отдавался эхом в трубке. Это был голос старика, чья шумная отдышка сокращала слова, плохо проговариваемые в подавленном дыхании.

Я ответил угрюмо:

– Да, и что?

Тембр голоса упал до шёпота:

– Она мне сказала, что вы могли бы мне помочь, я хотел бы с вами встретиться.

Он проямлил что-то, как в пьяном пришепётывании слов. Я не хотел его слушать, не хотел говорить ни с кем. Во всяком случае, я должен был вернуться в Никарагуа в следующую субботу в моё пристанище, в мой мир в Плайя дель Суд. Но голос был настойчивым.

– Пожалуйста, помогите мне, я не знаю, что делать! Я вам звоню с моего мобильного из бара «Сельтик», который на-

ходится в километре от вас, на входе Форт Блоке.

Он глубоко вздохнул, как будто для того, чтобы прибавить себе мужества и добавил:

– Я познакомился с Клэр в больнице Лорьян после несчастного случая. Это я прооперировал её, и мы подружились.

Клэр рассказывала мне о своей автокатастрофе, когда она была на практике в Лан Биуе. Это приковало её на три месяца к постели. Она была в двух шагах от запрета летать, но хорошо выпуталась. Без особой твёрдости я ответил:

– Ладно, но как я вас узнаю?

– Я сижу у окна с видом на залив. На мне джемпер сине-белую полоску. Жду вас.

– Можно поесть в этом чистилище?

– Думаю, да.

– Тогда еду.

* * *

Мне нужно было время переодеться и сменить рубашку. Машина ждала в гараже. Я тщательно закрыл все двери и ставни дома прежде, чем отправиться в путь вдоль побережья. Ветер усиливался, бросая на скалы снопы морской пены. Унесённые порывом ветра они попадали, как снег, под колеса. Вскоре начался сильный дождь, заливая лобовое стекло. Я ехал медленно, стеклоочистители едва справ-

лялись с таким сильным ливнем.

Стоянка находилась с другой стороны дороги недалеко от моря, как раз напротив того места, где меня ожидали. Три машины стояли у белого длинного сооружения с верандой, которое служило закусочной. Фасад был декорирован старым шифером, чтобы придать зданию более сельский стиль. Сверху мерцающая зелёная вывеска оповещала, что это бар-ресторан «Сельтик».

По соседству с рестораном находилось агентство недвижимости, которое было закрыто. Фотографии домов на продажу собрали всю пыль в витрине с грязным кафелем. Картонный промокший циферблат с движущимися стрелками обещал открытие агентства в десять часов. Но и циферблат и сами стрелки, похоже, потеряли всякую надежду на открытие. Два других заведения рядом были зашторены. Это три этажа крошечных комнат для туристов. Никакого света, никаких обитателей внутри.

За окнами ресторана, завешенными тюлем, я заметил силуэты, движущиеся как в театре Гиньоля. Входная стеклянная дверь завешена наполовину отклеившимися плакатами, которые объявляли о празднике бретонского танцевального фестиваля в следующую субботу и о блошином рынке. Я толкнул дверь и вошёл в бар. Около дюжины выпивающих обсуждали последнюю встречу местной футбольной команды. За барной стойкой, облепленной посетителями, стоял человек больше напоминающий монстра из научно-фантасти-

ческого фильма. Алкоголь, похоже, вымыл все мозги бармена, превратив в расплывшееся чудовище. Его белые руки были покрыты черными волосами.

В полутёмном углу слева я заметил человека, одетого в ирландский трикотаж. Он прислонился головой к огромной пивной кружке, изображённой на витраже бара. Я не видел его глаз. Тень падала на верхнюю часть его лица. Зал был покрыт полумраком. Только бар был освещён отдельными пятнами света, что создавало впечатление спектакля под маленькими прожекторами. Заметив, что я вошёл в зал, патрон, а я думаю, что это был именно он, включил свет. Яркое освещение после нескольких миганий залило помещение из двух параллельных рядов неоновых ламп.

Большое пространство тут же превратилось в зал ресторана. Столовые приборы уже стояли на белых скатертях, только посетители не торопились занимать свои места.

Я подошёл к мужчине, уткнувшегося в окно. Только в этот момент я понял, что не спросил его имени.

Стоя перед ним, я представился:

– Я – Франк.

Он встал так неуклюже, как если бы из плохо собранного деревянного стула вывернули все шурупы.

– Доктор Шнебель. Присаживайтесь, пожалуйста.

Его тихий голос был поглощён белыми стенами большого зала. Затем наступила пауза, как будто он не знал, что говорить. Наконец, чисто механически он сделал знак присесть

и продолжил:

– Вчера я говорил по телефону с вашей подругой Клэр, я не был уверен, могу ли я вас побеспокоить.

Он перевёл дыхание. Похоже, его сердце начало биться слишком быстро.

– Я оперировал её, пять, нет, шесть лет назад. Она смогла продолжать летать. Именно она предложила вам позвонить.

Я смотрел на него молча. Его исхудалое лицо было сморщено. Глаза избегали моего взгляда. Он потерял уверенность в себе и походил на тень.

– Что произошло, старик?

– Она исчезла!

– Кто исчез?

Ему было трудно начать свой рассказ. Лицо исказили глубокие морщины.

– Моя дочь, ей пятнадцать лет. Я несу ответственность за неё после развода. Надо вам сказать, что моя жена интересуется только собой, любовниками или любовницами! До остального ей нет дела.

Гримаса отвращения перекосила его рот. В этот момент он был похож на печального клоуна, который будто потерялся в этом слишком большом для него мире.

– Вы, я думаю, предупредили полицию?

Он сделал возмутительный жест рукой, продолжая:

– Полиции бегство подростков не кажется чересчур серьёзным. Вы знаете, у меня никого нет кроме неё.

Я чувствовал себя слишком усталым, чтобы заняться его проблемой. Груз раскаяния, что пришёл сюда, повис на моих плечах. Я пытался побороть это чувство, но это ещё больше сковывало. На самом деле, мне было не интересно бегство его дочери, поэтому я ответил машинально:

– Я не думаю, что могу сделать что-то лучше, чем полиция, – сказал я прямо глядя в глаза.

Он поднял голову. Это был человек вполне успешный, но сейчас абсолютно уничтоженный. Его лицо напоминало гипсовую маску, внезапно покрывшуюся возрастными трещинами, а остекленевшие глаза выдавали сильно подпитого человека. Не осталось даже фасада, так говорят о роскошной внезапно обветшавшей вилле.

– В действительности, я не вижу, чем я мог бы вам помочь?

– Клэр мне сказала, что вы всегда справляетесь с трудностями. Конечно же, я предупредил полицию, но я не слишком полагаюсь на неё. Если бы вы меня выслушали, возможно у вас появились бы идеи. Я могу вам заплатить и хочу использовать всё возможное, чтобы найти её.

– Я слушаю вас, расскажите всё, что произошло...

Тип глотнул побольше воздуха, как ныряльщик после длительного погружения, выпрямился и начал свой рассказ.

– В среду, она уехала в лицей. Надо сказать, у неё там хорошие результаты. Она обещала вернуться к шести часам, как всегда. С тех пор я ничего о ней не знаю. Я поехал в

лицей поговорить с её преподавателями и одноклассниками. Никто её не видел. Её не было в школе с самого утра. С того времени я в неведении уже четыре дня!

– Вы часто ссорились?

– Нет, у нас не было привычки ругаться, после того, что она пережила из-за матери...

– Следовательно, она не у матери!

– Она её не видела уже больше месяца. Я искал везде, у друзей и подруг, никто не знает, где она.

У бедного отца был такой жалкий и подавленный вид, что я всё же решился взяться за дело:

– Я могу осмотреть ваш дом, её спальню?

Вздых облегчения снял груз внутреннего напряжения. Он задышал с открытым ртом, как дайвер, вынырнувший на поверхность мутной реки.

– Если хотите. Но она ничего не взяла с собой, ни одежды, ни обуви, ничего.

* * *

Подгоняемый яростным ветром, дождь сплёл на витрине ресторана паутину из струек воды. На другой стороне дороги смутно просматривался городской парк отдельными пятнами деревьев и газона сквозь эту пелену. Свет от фонарных столбов дрожал, предвещая смерть, а освещение вывески «Сельтик» напоминало бледность зеленоватого савана.

Я сел в машину, немного подождал и затем последовал за машиной хирурга. Он вёл машину быстро, слишком быстро, словно хотел избавиться от проблем настоящего, обретая душевный покой прошлого. Он резко тормозил на поворотах, а задние фонари освещали дорогу тревожными красными метками. Так мы ехали один за другим минут двадцать под струями сильного дождя. Вдруг он замедлил ход и въехал в открытые деревянные ворота. Я припарковался возле его машины. Это была вилла в форме куба, довольно богатая, с необычным входом в виде веранды из алюминиевого каркаса. Вдали был слышен непрерывный шум прибора.

– Следуйте за мной.

Он толкнул металлическую дверь, и мы вошли в тёмный зал, украшенный хорошими картинами. Освещённые маленькими лампами, картины играли разными цветовыми оттенками. Металлическая лестница привела нас на второй этаж в огромную гостиную.

– Живопись – моя страсть, люблю открывать неизвестных художников. Мы с дочерью часто посещаем выставочные залы.

Воспоминание о пропавшей дочери взбудоражило его память, и его челюсть начала дрожать.

– Хотите выпить?

– Я предпочёл бы съесть что-нибудь.

– Я вернусь через пару минут. Устраивайтесь удобнее.

Он указал на глубокие черные кожаные кресла в большой

гостиной. Как только он исчез на кухне, я приятно устроился в кресле и огляделся вокруг. Это был роскошный зал, но пустой и бездушный, в центре которого находился большой камин чёрного мрамора. Огромный телевизор висел на голубой стене, обитой шёлковой тканью. Свисающие с потолка мелкие прожекторы освещали полихромные картины. В глубине зала другая лестница поднималась на этаж выше. Рядом, незаметное в данном интерьере, стояло фортепиано, казалось, спавшее глубоким сном.

Врач появился через несколько минут, неся перед собой поднос с наспех приготовленной едой.

– Я приготовил яйца. Из меня плохой повар. Я принёс вам фотографии моей дочери Гвен.

Он поставил еду на журнальный столик, покрытый черным лаком, а затем уселся на кожаный диван передо мной. Он небрежно бросил фотокарточки на стол, так как выбрасывают карты во время покера. На четырёх из пяти фотографий Гвен в купальном костюме. На одной она стоит перед океаном в романтической позе. На другой более романтической, она развалилась на шезлонге. Гвен красива на фотографиях, но, к сожалению, её портит подростковое кривляние. А вот здесь она совсем другая, в летнем платье без рукавов, на ней большая соломенная шляпа. Она уже не позирует, а выглядит естественной. Она сидит на синем шезлонге, облокотившись на столик со стаканом, наполненным двухцветным напитком. Позади видна бухта виллы, и она улыбается.

Она не была похожа на хрупкую пятнадцатилетнюю девочку, ей скорее дашь восемнадцать или девятнадцать лет. Короткие светлые волосы были подстрижены так, что видны её глаза, будто два куска льда на смуглом милом лице.

– Я сделал эти фотографии два месяца назад, она красивая, правда?

Уплетая еду, я проворчал, что она слишком красива для своего возраста, и у неё уже развита женская грудь...

Какой бы роскошной не была комната, она выглядела траурной и печальной. Не было такой краски, что отражало бы в ней нормальную жизнь. Это была комната, которая давила нескончаемой неврастенией.

– Мы очень привязаны друг к другу, моя дочь и я, – продолжал врач, – и она не часто видит свою мать.

– Чем занимается её мать?

Глядя на него и не дожидаясь ответа, я задал себе вопрос, до какой степени привязаны друг к другу хирург с дочерью.

– Она работает медсестрой в том же госпитале, что и я, но в другом отделении, так что мы практически не видимся. Во всяком случае, я делаю все, чтобы её не встречать.

– Если я правильно понимаю, вы не были счастливы в браке?

Он поднял голову. Вспышка ненависти ожесточила его взгляд. Это было похоже на резкий порыв ветра над спокойной гладью моря.

– Совсем нет, – ответил он, вздохнув, – совсем нет. Ей

нужны были любовники, и, если я правильно информирован, их ей было недостаточно, чтобы не умереть со скуки, как она говорила. Она пристрастилась к женщинам. В настоящее время у неё связь с главной медсестрой учреждения. Пусть она развлекается! Вы знаете, доступные женщины – это всегда женщины с историей. Фригидные, распущенные, алкоголички, они часто нимфоманки и шизофренички. Зачастую они не знают, кто они, и что ищут за сиюминутным наслаждением. Они верят, что живут полной жизнью, превращаясь в пустыню эмоций.

Он говорил таким убеждённым голосом, словно оправдываясь. Не сомневаюсь, что он повторял эту молитву сотни раз, чтобы убедиться, что он прав. Подобная проповедь не позволяла задавать вопросы самому себе.

– Как долго вы разведены?

– Три года!

– Почему не раньше?

– Из-за дочери, я хотел защитить её максимально, чтобы она имела мать.

– Все же, почему не раньше?

– Потому что она перестала скрывать свои пристрастия. Долгое время это было с интернами, затем с учителем биологии, после был целый ряд любовников. Я даже не знаю, помнит ли она всех. Она побывала в постели, по крайней мере, одного из трёх начальников отделений, прежде чем бросится на женщин или оба пола сразу! Это стало настолько публич-

но, что наша дочь узнала об этом.

Его лицо потемнело, а глаза проползли по мне, как улитки, поднимающиеся по стене. Он всё ещё страдал и был в ярости.

– И как ваша дочь реагировала на всё?

– Она замкнулась в себе. К счастью, она занимается спортом и музыкой, дзюдо и скрипка. Она записалась в консерваторию и должна начать учёбу в Ренне в следующем году. По дзюдо она недавно получила чёрный пояс. В остальное время она закрывается в своей комнате, читает или мечтает.

Могут ли эти детали объяснить что-либо? Настоящее не может ничего изменить в прошлом, а на самом деле ещё больше сгущает тайну исчезновения красавицы по имени Гвен.

– Я могу осмотреть её спальню?

– Пойдёмте.

В этот момент мощный луч маяка с моря проник сквозь окно, заливая светом картины, украшающие стены. Салон выглядел как освещённый корабль, который уплывал мало по мало в ночь, пока от него не осталось лишь красное свечение. Врач застыл в изумлении от этой игры света у лестницы, а потом сказал:

– Поднимемся наверх.

Металлическая лестница громко озвучивала наши шаги, как перезвон предвещающий конец света. Мы поднялись к большой библиотеке. Между книжными полками, забитых

книгами, стоял белый лакированный стол. Прямо перед нами была дверь, тоже белая, что вела в комнату Гвен. В её комнате царил смертельная тишина. Большое эркерное окно, выходящее на террасу с видом на океан, украшало комнату, которая казалась слишком большой и, тем не менее, темной. Книги на полках, современный письменный стол, качели, свисающие с потолка, небольшая кровать, приставленная к стене, всё выглядело нелепо. Постельное бельё и одеяла свалены сбоку от кровати. В углу комнаты деревянный стол завален кучей одежды: купальники и пляжные костюмы, брюки, морской джемпер.

Рядом дверь, ведущая в большую ванную комнату, здесь на полке перед зеркалом стояло множество маленьких бутылочек с различными духами, расставленных с любовью.

– Она собирает их, – говорит хирург, перехватывая мой взгляд.

Осмотрев всё, мы опять вернулись в комнату.

– У неё мало друзей, – продолжал Шнебель, – я знаком только с двумя или тремя.

Через моё плечо он грустно посмотрел на тёмный пляж. Сквозь окно был виден залив. Волны, словно жемчуг перекачивали по пляжу белую морскую пену. Дождь, не переставая струился по окну.

– Я ничего не трогал, – сказал доктор подавленным тоном.

Он и его дочь жили в созданном ими мире, отягощённым множеством воспоминаний, готовых обернуться в любой мо-

мент катастрофой. Зеленоватая лампа, похожая на маленького светлячка освещала поверхность письменного стола.

– Компьютер включён. Днём я этого не заметил.

Я открыл крышку компьютера и нажал пуск. Изображение появилось моментально, как вспышка. На экране была картина Гогена. Я медленно прокрутил все изображения и насчитал шесть картин Гогена полинезийского периода. Это были группы молодых томных разнеженные женщины, написанных яркими и темными цветами. На одной картине рыжая собака в углу казалась безразличной к их ужимкам.

Я вспомнил, как много лет назад я был на Маркизских островах. Это что-то вроде навязчивого воспоминания, которое терзает тебя, как не проходящий ожог на коже. Там у океана нет никакого покоя, сплошное изнуряющее пережёвывание идей, что томятся в твоей голове. Это уникальное место, которое может довести судьбу до порога в никуда, а на заливе Атуона мечта и вовсе пропадает в пустоте. У Врат Вечных Поль Гоген и другие неизвестные поэты, искатели приключений, заключённые между горами и морем, понимали в конце своей жизни, что поиск закончен, и ничего не остаётся перед их жаждущим взором, кроме странной смерти, которая разорвёт их в клочья.

Изображения пронизывали сознание как молния. Мне было странно видеть их в компьютере 15-летней девочки. Груз своих ужасных воспоминаний давил мне на плечи.

– Она так же, как и я, обожает живопись. Кстати, я могу

вам хорошо заплатить.

Я быстро просмотрел сайты и файлы компьютера. Гвен не была зарегистрирована ни в одной из социальных сетей, что удивительно для девочки этого возраста. Лицо Шнебеля, который наблюдал за мной, вытянулось. Его веки сузились, как будто кто-то ударил его сзади. Он закрыл глаза. Для человека в его возрасте и ситуации, он быстро теряет самообладание, если только потеря дочери не представляет своего рода конца света.

– Хорошо, я постараюсь найти её, по крайней мере, пройду по её пути. Дайте мне адрес, номера телефонов вашей жены, кое-кого из друзей, а также её привычки...

– Я вам всё приготовлю.

Я не знал, смогу ли я позволить втянуть себя в эту историю. У меня не было особых навыков в поиске пропавших, я попал сюда, что называется, транзитом. Доктор казался добрым парнем. Я давно вышел из подросткового возраста, и вполне вероятно, что эта девчушка убежала с ровесником, гонимая безудержным желанием покинуть отчий дом, похожий на надгробную плиту. Я представил, как её отец занят своими дежурствами в операционной в ночные часы, а девушка остаётся наедине со своими мыслями на вилле, слишком большой для неё. Что она могла сделать? О чем она могла думать? Какой саван одиночества мог опуститься на её плечи?

Я встряхнулся, как кот надолго оставленный под дождём,

стараясь избавиться от навязчивых мыслей. Вернулся отец с покрасневшими глазами и протянул мне конверт:

– Я вложил туда всё, что вы просили и написал номер своего мобильного. Звоните мне и днём, и ночью, когда посчитаете нужным...

Я положил конверт в карман, и попрощался с доктором Шнебелем. Когда я направлялся к выходу, я обернулся. Он стоял посреди гостиной бледный неподвижный, как гипсовая статуя. Необычные соломенно-жёлтые часы у входа показывали десять тридцать пять. Волна жалости окатила меня на короткое мгновение. Я сел в машину, развернулся и поехал. Позже в машине я открыл конверт и обнаружил пять банкнот по пятьсот евро каждая. Механически я скомкал их, потому как мне не нужны были деньги, особенно эти деньги. Годы скитаний и приключений, не обогатив меня, давали мне доход, чтобы жить комфортно. И к тому же место, где я жил в Никарагуа, а точнее, Плайя Дель Сюд, всё это позволяло мне вести вполне скромную, но интересную жизнь.

* * *

На следующий день, около девяти часов, я отправился в Лорьян познакомиться с бывшей женой Шнебеля. Её дом находился на улице Ратье, в районе, который некогда был роскошным. Теперь его застроили маленькими стандартно-одинаковыми домиками с прилегающими к ним небольшими са-

дами, высаженными голыми деревьями. Я нашёл её дом в конце тупика. Это был высокий, оштукатуренный под мрамор барак с огромной, покрытой шифером, верандой, по центру которой установлены две солнечные панели, отражающие сад, больше напоминающий запущенную рощу. За поздальные цветы розового куста свисали, как красный реликт. Толкнув деревянную калитку, я направился по песчаной тропке к дому. Справа я заметил сарай, который использовали под гараж, в нем стоял кроссовер Honda.

Я позвонил в дверь с матовым стеклом. Через какое-то время в передней послышался шум и приглушенные голоса. Дверь открыла женщина в фиолетовом халате и спросила мало любезным тоном:

– Ну, что ещё? Мне ничего не нужно.

Это была вполне симпатичная с приятным голосом женщина, хотя светлые волосы в беспорядке наталкивали на сравнение с пуделем.

– Я пришёл поговорить о вашей дочери по просьбе вашего бывшего мужа...

– О, она хорошо сделала, что вырвалась из дома. Жить с таким гробовщиком – это не жизнь!

Ей вдруг стало очень стыдно за выходку. Не зная, что делать с лицом, она пыталась скрыть конфуз улыбкой. Но её оскал выглядел вымученно неестественным. Тон стал заурядно вульгарным.

– Он – опекун, пусть и выясняет, где она путается.

Выбитый из равновесия, я опять спросил:

– А вы не знаете, куда она могла отправиться?

– Кто вы такой, чтобы заботиться об этом?

– Старый друг вашего бывшего мужа, но он слишком занят, чтобы заниматься расследованием. Он не знает, что делать, поэтому попросил меня о помощи. Вы не догадываетесь, где она может быть? В любом случае полиция уже предупреждена.

– Это лучшее, что он мог сделать. Я понятия не имею, где она может таскаться. Она вполне зрелая девица для своего возраста. Не удивлюсь, если она убежала с любовником. Это похоже на неё, куда мил дружок, туда мой сапожок... Я уверена, что через день – два она снова появится.

Я пристально взглянул ей в глаза. Она тут же замолкла. Её лицо залилось краской, как цветная фотография во время экспозиции. Оказывается, временами она может быть естественной. Её глаза залились блеском, и скудная слеза упала на щеку. Это явно противоречило тому, что она только что сказала. Она сделала шаг ко мне и обвилась вокруг спирали. Её голова склонилась мне на плечо, как опущенный цветок подсолнуха. Я пытался её утешить, но почувствовав дрожь в танце похотливого желания, и быстро понял, чего она добивается. Освободившись от её объятий, я успокоился, расшифровав игру, в которую чуть было не был втянут.

Вдруг голос другой женщины из глубины дома, окликнул:

– Валери, дорогая, что там?

Она быстро отодвинулась от меня и ответила:

– Это по поводу моей дочери, один тип её ищет. Он от моего бывшего.

– Оставь это, она убежала с приятелем. Она сообщит тебе, где она, уже не маленькая девочка, только твой бывший думает, что маленькая. Мне очень нравится твоя дочь. Что скажешь, если я займусь этим...

– Прекрати свою болтовню, я знаю, что она всё ещё ребёнок для него. Он не видел, как она росла. Он никогда не заботился ни о ком, ни о своей дочери, ни обо мне, только о своих больных. Да, Месье, я приукрашивала своё одиночество, как могла! Так что, моя дочь должна была сделать то же самое, она сообразительная, как и я, – закончила дама, показав презрительно средний палец.

Кажется, она была не в себе. Вне всяких сомнений она обижена на весь мир и, прежде всего, на саму себя. Всё, что она могла сделать, это утонуть в настоящем грехе, ища немедленного наслаждения. Помимо горечи, жалость и боль, похоже, её уже не трогали.

За её спиной голос начал что-то напевать. Она посмотрела мне в глаза, пренебрежительная гримаса искривила её рот как у загримированного клоуна, затем она упёрлась в мою грудь обеими руками и резко вытолкнула из дома.

– Уходите вон, вам здесь нечего делать! Если я и услышу что-либо о ней, я позвоню своему бывшему мужу, а не вам.

Она сделала шаг назад и с шумом закрыла дверь прямо

перед моим носом. Я услышал лязганье ключа в металлическом замке.

Я возвращался разочарованный и недовольный собой. Я спрашивал себя, что значит материнский инстинкт для такой женщины, как она! Я никогда не верил в этот пресловутый инстинкт. Достаточно посмотреть, как обращаются с детьми в бедных странах, где только рабочая грубая сила может гарантировать выживание. Для неё дочь, вероятно, ничего не стоила.

Вспышка ненависти пронизала весь мой мозг. Уходя, я проклинал её, зная, что должен сдерживаться от чувства ненависти, которое внезапно скрутило мой живот и сдавило грудь. Несколько лет назад я уже потерял все иллюзии относительно людей. Комедия жизни разыгрывается из-за денег, наслаждений и власти, остальное мало берётся в расчёт.

В маленьком саду скрюченное чёрное дерево ухмыльнулось мне ужасной гримасой. Опустившись на бесформенную ветку, птица с серым оперением, возможно, сойка, взяла несколько певчих нот прежде, чем застыть в оцепенении от удивительной тишины.

* * *

В час пятнадцать автобус, следующий в город, остановился точно по расписанию на остановке в двадцати метрах от виллы Шнебеля. День был ясный солнечный. Ветер стих,

воздух немного прохладный и кристально чистый. Далеко от берега шумел прилив, напоминая о присутствии океана. У подножья низкорослого кустарника плавно улеглись песчаные дюны. Я поднялся в автобус и купил билет у водителя в кепке. Он показался мне слишком маленьким, так как его подбородок едва достигал уровня руля. Воспользовавшись дорожной сутолокой, переминаясь с ноги на ногу, я спросил его:

– Вы знаете друзей Гвен?

Повернув голову, он жестом показал на табличку сзади: во время движения разговаривать с водителем запрещено.

– Она исчезла, и я её ищу. Позвольте мне проигнорировать это правило.

Повернув слегка ухо в мою сторону, он ответил без особого удовольствия:

– Да, слышал, что она исчезла, но не видел её эти дни. Здесь её подружки, три девчонки сидят на заднем сиденье. Вы можете поспрашивать.

Я бросился по проходу, цепляясь за ручки сидений обоих рядов, когда автобус раскачивало из стороны в сторону. В глубине автобуса сидели три девушки в возрасте формирующихся обольстительниц.

– Вы знакомы с Гвен Шнебель?

Одна из девушек, одетая в комбинезон, с пренебрежением повернула ко мне голову. Её глаза блестящие и подвижные, как ртуть, едва были видны из-под чёлки светлых волос.

Другая залилась смехом, как колокольчик, услышав вопрос. Вдруг плохая гримаса превратила её милое личико в лицо молодой ведьмы, ноздри раздулись, как у поросёнка.

– Вам то какое дело до Гвен?

– Хочу узнать, где она. Её отец очень волнуется.

– Уже четыре дня, как мы её не видели. Обычно мы ездим вместе на этом автобусе до лица.

– Она вам говорила, что должна уехать?

Девушка с носом поросёнка спросила, отвергая всякую возможность получить ответ на мой вопрос:

– А вы кто такой, чтобы задавать такие вопросы?

Она была одета в джинсы и провокационно свободную блузу, скрывающую её маленькую грудь, но не желание соблазнить. С курткой на коленях, здесь же в автобусе она делала себе маникюр.

– Я друг её отца. Он попросил меня помочь узнать, где она.

Самая высокая, поправив бретельку комбинезона, развернулась к другим и прошептала:

– Давайте расскажем ему, нам самим интересно, мы ведь тоже волнуемся.

Молчание было согласием.

– Это случилось в понедельник. Как обычно, мы вместе ехали в лицей, когда ей кто-то позвонил на мобильный. Она ответила. Разговор длился примерно пять минут. Она больше слушала и отвечала время от времени, вот и всё. У неё

был счастливый вид. А нам она сказала:

– Я на следующей остановке выйду, на занятия сегодня не пойду. Завтра вам всё расскажу. Она вышла из автобуса, с тех пор мы её не видели. Через пару минут будет та остановка, где вышла Гвен. Это-стадион Лармор.

Самая худенькая из девушек всё время молчала. Вдруг её кожа вокруг глаз и рта собралась, как будто она набралась смелости броситься в воду. Она выпалила:

– Не в первый раз она выходила на этой остановке. На следующий день она была там же. А в тот раз мы её больше не видели.

– Она часто пропускала школу?

– Нельзя сказать, чтобы часто, но случалось время от времени, особенно на физкультуре. За ней приезжал один и тот же автомобиль, старый Мерседес с арабом или чёрным за рулём. Какой-то старик.

В её полупрозрачных глазах я заметил страх.

Вдруг мальчишка, скорее симпатичный юноша, сидевший впереди, одетый, как к первому причастию, повернулся к нам, вмешиваясь в разговор своим крикливым голосом:

– Это тип из Кервенанек, абсолютно противная морда. Говорю вам, если она хотела больших неприятностей, лучше не придумаешь.

– Ты его знаешь?

– Думаю, он один из местных криминальных боссов. Не понимаю, что такая девушка как Гвен, могла найти общего

с таким типом!

В речь парня закрались нотки ревности, как перчинки в сладкий десерт.

– Ты знаешь, как его зовут?

– Его имя? Мне кажется, его зовут Гюс. Он немало натворил. Во всяком случае, о нём знают в полиции.

– А ты знаешь, где его найти, этого Гюса?

– Такие ребята собираются в Бистро Хамелеон. Оно находится в торговом центре рядом с социальной службой, которая занимается малышами. Найти то его легко, только репутация у него дурная!

Смутное ощущение как дымка пронизало весь автобус. Оно окутало все сиденья, приглушая свет из окон. Нависшее молчание стало напряжённым, как и лица старшеклассников с их неуловимыми взглядами. Даже шофёр деловито наклонился над панелью управления автобуса.

* * *

Вероятно, я взял след! Я решил выйти на той же остановке, что и Гвен. Я дал девушкам номер телефона доктора Шнебеля. Когда автобус остановился, быстро вышел.

Я очутился в небольшом посёлке у дороги, ведущей в Лорьян. Виллы, скрытые, за высоким хвойным забором, казались молчаливыми и необитаемыми. Я огляделся. Место казалось пустынным, ни одной машины в поле зрения в

это время. Вдоль извилистой дороги, бегущий вдоль вилл, выглядывали высокие башенки вдалеке. С моря дул ветер, а шорох деревьев, скрывающих виллы, сливался с шумом морского прибоя. Приближающийся прилив моря пробивал брешь в оглушительном безмолвии домов.

Вдруг у входа одной из вилл сквозь деревянный забор я увидел высокого человека военной выправки и жёстким взглядом. Его худое лицо было украшено усами, придающими ему вид сома. Он был одет в добротное серое пальто из верблюжьей шерсти. Я направился к нему.

– Прошу прощения, я разыскиваю одну несовершеннолетнюю беглянку по просьбе отца. В последний раз её видели именно здесь, в понедельник утром. Она села в старый Мерседес, с тех пор от неё нет никаких вестей. Её зовут Гвен Шнебель.

– В понедельник меня не было во дворе, но я знаю Гвен, красивая пятнадцатилетняя девушка, дочь известного хирурга с хорошей репутацией. Не могу знать о её похождениях, но она часто выходит из автобуса в этом месте, садится в автомобиль, который вы описываете. За рулём какой-то чёрный, скорее мулат, хорошо одет, иногда в сопровождении женщины, затем они направляются в сторону Лорьяна.

– Парнишка из автобуса, её одноклассник назвал его Гюс. Похоже, это имя возымело сильный эффект, потому как он сухо поклонился, пытаюсь понять, какое впечатление произвёл на меня. Затем метнул взгляд на площадь, будто зем-

летрясен свалило все деревья, а почва разверзлась перед глазами, и тихо, но твёрдо сказал:

– Это всё, что я знаю, Месье.

Как раз в это время мимо проезжал автомобиль доктора Шнебеля. Заметив меня, он резко затормозил в клубах пыли и брызгах грязи. Он был за рулём большого чёрного автомобиля марки Audi. Открыв боковое окно, он позвал меня:

– Франк.

Я попрощался с мужчиной, с которым только что разговаривал и направился к автомобилю. Шнебель открыл дверцу:

– Садитесь.

Его усталое лицо землистого цвета с темными кругами под глазами доказывало, что он провёл бессонную ночь.

– У вас есть новости?

– Я был у вашей бывшей жены. Похоже, её это мало беспокоит.

– Меня это не удивляет. Она была одна?

– У меня не сложилось такого впечатления. В понедельник ваша дочь вышла на этой остановке. Её ждал мужчина в автомобиле. Вы знаете мужчину мулата, который мог бы быть её другом? Они уехали вместе.

Он сделал гримасу непонимания. Морщины глубокими паутинами, покрыли его измученное лицо. Он ответил, как бы извиняясь.

– Я отдаю себе отчёт, что ничего не знал о поведении своей дочери. Она не говорила мне с кем дружила.

Он покачал головой с удручённым видом.

– Вы не могли бы меня подбросить до Кервенанек. Я оставил свою машину недалеко от вас.

– Поедем искать вашу машину, – ответил он.

По дороге я отчитался перед ним обо всем, что успел сделать.

Сегодня

Вот почему я покинул «Хамелеон» в такой спешке. Гюс лежал на заднем сиденье с очень потрёпанным видом.

Из его носа все ещё сочилась кровь; по подбородку, выступающим над свитером, разливался большой синяк. Несколько зубов, похоже, были выбиты. Розовая слюна запеклась в уголках рта, как будто он жевал сахарную вату.

Я искал место, где можно было остановиться. Мне нужно заставить Гюса заговорить любой ценой. Холодный ветер гулял по побережью. Время от времени подобно коротким весенним ливням на крышу моего авто падали тяжёлые струи дождя, омрачая пейзаж. Я смотрел на океан сквозь дождливую завесу ветрового стекла.

Казалось, земля вздрагивала от беснующегося моря. Непрерывные высокие волны с шумом разбивались о скалы, оставляя комья ослепительно белой пены. На побережье опустилась чёрная глубокая ночь. Желтоватые от глины канавки прорезали почву, по которым вода собиралась в большие мутные лужи. Дождь усиливался, а яростный ветер гонял по пляжу комья морской пены. Большие пенистые шары перекатывались по берегу пока не превращались в грязные хлопья под колёсами машин прилегающей дороги.

Все моё тело напряжено, мне было не до шуток. Мне нужно, чтобы он рассказал всё, что знает, без всяких баек.

Гюс на заднем сиденье понемногу начинал приходить в себя. Услышав шевеление и стоны, я обошёл машину и дал ему пару оплеух, чтобы ускорить процесс возвращения. Да, он был сильно помят: правая сторона лица украшена всеми цветами радуги, левый глаз залит кровью, кровь из носа оставила большое пятно на воротнике рубашки. Я бесцеремонно встряхнул его, чтобы вывести из состояния, в котором он прибывал. Он смачно выругался. Его глаза заморгали, ресницы запорхали подобно крыльям бабочки. Он приоткрыл веки и закатил глаза.

Я заорал ему в ухо:

– Слушай сюда, парень, ты меня слышишь?

Он, казалось, болезненно возвращался в сознание, затем промычал похожее на угу.

– Где девчонка, где Гвен?

По его виду он не понял вопроса. Чтобы освежить память, я воткнул ствол пистолета ему в ребра, как раз в то место, куда ударил. Он застонал. Тогда я опустил боковое стекло, чтобы дождь попал ему на лицо. Он затряс головой.

– Говори, где девчонка.

Он что-то про фырчал, разбрызгивая слюной, расцветающей кровавыми разводами на стекле. Моему терпению пришёл конец. Волна гнева накатила на меня. Я в ярости воткнул пистолет в его разбитые ноздри. Тогда он загорланил:

– Нет, нет!

Отвратительный запах наполнил салон машины. Запах

дерьма в его штанах. Пинками я вытолкал наружу. Он распластался по жирной придорожной грязи. Дождь стекал по его лицу, которое представляло собой сплошную рану.

– Говори!

Бурчание было едва слышно из-за шума дождя о кузов машины, но мне показалось он сказал:

– Она уехала увидеться с отцом...

– Повтори.

Он бурчал, произносив слова, проглатывая букву «р». Язык примитивный и шепелявый выливался изо его рта.

– Я отвёз её на вокзал, посадил на поезд, чтобы она встрети­лась с отцом!

– Шнебель живёт здесь. Ей не нужно садиться на поезд, чтобы повидать его. Тогда получается, Шнебель не её отец!

– Нет, не настоящий отец, говорю вам!

Слёзы унижения бежали по его щекам. Он был похож на тюленя, выбравшегося из воды.

– Когда Шнебель женился, ей было уже одиннадцать месяцев. Он её удочерил и вырастил. Но он ей не родной.

Я не унимался:

– Что же ты тогда с ней возишься?

– Она помогает моим двум дочерям, когда у них пробле­мы в школе. И я обещал прикрыть её, если кто-то кинется её искать. Она просто хочет найти настоящего отца. Вот и всё!

Да, если всё, что он говорит, правда, я влип в большое недоразумение. Я набил ему морду ни за что. Дождь разма-

зал всё его лицо, пропитал всю одежду. Кровь, смешанная наполовину с грязью на его одежде, делала его жалким. Я сказал:

– Поднимайся и всё рассказывай.

– Я знаю её пару лет. Когда моя старшая дочь пошла в третий класс, у неё было отставание по программе, и Гвен вызвалась ей помочь. Два раза в неделю она приходила к нам домой и помогала с уроками. Это здорово помогло Фатиме. Она хорошо успевает и сейчас в числе первых в классе.

– И к чему тогда этот цирк в ресторане «Хамелеон»?

– Я обещал ей, если кто-нибудь захочет узнать, где она, я её прикрою. Вы же, как собака влезли, всё разнюхивая. Вы бы сразу настучали, только бы я открыл рот!

Я пытался возразить:

– У меня смутное подозрение, не напади я первым, твоя трость обрушилась бы на мой череп, не так ли?

– Вам повезло, потому что я замешкался.

– Что касается меня, я обещал её отцу, тому кто её вырастил, найти Гвен. Получается, мы с ним в одной обойме. Так что извини, приятель, что испортил тебе лицо. Итак, где она?

– Я отвёз её на вокзал, посадил на поезд. Она сказала, что отправляется в Майен департамент Луары, в какое-то Шато, где живёт её настоящий отец.

– Я отвезу тебя обратно в Керве и отправлюсь искать место, о котором ты рассказал.

Я вынул из кармана четыре купюры по пятьсот евро и про-

тянул ему в качестве компенсации за увечье. После минутного колебания он сунул деньги в куртку.

– Ну, ты щедрый чувак.

– Это тебе на лечение. Куда тебя отвезти? Где живёшь?

– Рядом с двумя большими башнями.

– Я верну тебя на место, но сначала приведи себя в порядок, сними куртку и почисть, а то ты воняешь. Ты знаешь, как зовут настоящего отца Гвен?

Он покачал головой и промямлил:

– Она мне ничего не сказала, кроме того, что теперь она знает, где он живёт, и что получила от него новости. А как насчёт приятеля, которого вы подстрелили?

– Не опасно, немного дроби в ногах. Он сам может подняться... Несчастный случай при обращении с ружьём. Дашь ему пятьсот евро. Он будет доволен, не так ли?

– Ладно.

В действительности парень был неплохой: немного великодушный, даже жалкий. Я должен признать, что допустил много ошибок и за отсутствием извинений, я думал, что деньги компенсируют мою оплошность и сделают его немым, как рыба. Если он их получит.

А пока я решил навестить Шнебеля и мать девчонки, поговорить и послушать, что они мне скажут. Направляясь в Лорьян, я много размышлял, и на память мне пришла мысль одного известного педагога:

«Каждый раз одна и та же история с приёмными

детьми. Зачастую эти дети не испытывают нехватки в чем-либо. У них есть всё: и родительская любовь, и хорошее воспитание, и подарки, иногда слишком много. Семейный дом становится их домом. Никаких разногласий, даже если есть другие дети. Так что же тогда происходит?»

Примерно к десяти-двенадцати годам, когда начинается стремительный рост организма, навязчивая идея, как яд, проникает в голову подростка:

«Возможно, я не родной ребёнок в семье. Может быть, меня украли или купили. Мои приёмные родители вмешались в мою жизнь, не спросив моего согласия»

Расспросы ни к чему не приводят, ни каких подтверждений, ни свидетелей, ничего. Тогда бездоказательные домыслы, заставляют ребёнка искать свой путь:

«У меня есть настоящая семья, семья моего отца или биологической матери, семья моих предков. Возможно, они ищут меня?»

В мечтах эта мифическая семья иногда представляется богатой и влиятельной, и ребёнок начинает питать ненависть против приёмной семьи. Эта ненависть становится опустошительной и разрушительной: «надо наказать тех, кто меня украл, занял место моих настоящих родителей»

Тогда жизнь таких родителей превращается в Ад. В случае с Гвен, развод её приёмного отца и матери дал пищу к поискам родного отца, которого надо найти любой ценой.

Я высадил Гюса у его дома. Казалось, он не сильно меня винил, переминая деньги в пальцах. Он поковылял ко входу башни, повернулся в мою сторону и помахал рукой.

* * *

Я быстро доехал до центра города и решил перекусить, так как у меня в животе громко урчало. Я не ел с самого утра. Я припарковался у отеля «Бретань» и заказал на ужин блюдо из морепродуктов, выловленных здесь же. Десерт из малинового суфле завершил мою трапезу. Я вышел из ресторана в приподнятом настроении от хорошей еды и алкоголя.

У матери Гвен я был около одиннадцати вечера. Над городом моросил противный мелкий дождь. Повышенная влажность туманом легла над местностью, сквозь него бледным ореолом проглядывал уличный фонарь. В саду крупные капли, скопившиеся на ветвях, громко падали на цементные дорожки, напоминая беспорядочную барабанную дробь. Черные тени деревьев танцевали в обнимку с порывами ветра. Сквозь ставни первого этажа просачивалась полоска света. К счастью, ворота сада были открыты, по ограждению текли струи дождя.

Я нажал на электрический звонок. В доме послышались шаги и звуки перепалки шёпотом. Затем женский голос спросил агрессивно:

– Это кто? Меня в это время не беспокоят. Пошёл бы ты

куда подальше!

Затем она обратилась к кому-то в доме:

– Ты оставил калитку открытой?

– Угу и что? – проворчал другой.

В свою очередь я более настойчиво нажал на звонок.

– Я говорила вам, чтобы вы больше не появлялись!

– Это Франк. Я провёл целый день в поисках, у меня есть сведения о вашей дочери. Мне нужно поговорить с вами.

Дверь немного приоткрылась, ограниченная цепочкой.

– Что вы ещё от меня хотите?

– Я узнал, что ваша дочь уехала найти биологического отца. Где он сейчас?

– Вам то какое дело?

– Почему вы не сказали, что Шнебель не её отец?

– Потому что Шнебель – говнюк, всё гребёт под себя.

В дверном проёме я увидел лицо без макияжа. Глубокие морщины отяжеляли её некогда красивые зелёные глаза. Пряди волос, спадавшие на лоб, были в беспорядке, напоминая медузу. Вдруг она наклонила подбородок, и волна светловолосой копной накрыло ей лицо.

– Её настоящий отец, если конечно, это был он; в то время я любила многих мужчин. Все они дерьмо, никогда не знаешь, где их искать, никаких новостей. Он предан тебе в постели, а потом его тянет на край света за приключениями. Он вечно был переполнен бредовыми идеями разбогатеть в два-три прыжка, как Крез, чтобы стать баснословным богачом.

Она все ещё оставалась за дверью. Дверная цепочка врезалась ей в шею, когда она наклонилась, раздвигая упавшие на лицо волосы, чтобы получше меня разглядеть.

– Вы не хотите мне открыть?

– Конечно, нет. Впрочем, я не одна!

– Дайте мне хотя бы его адрес. Как его имя?

– Я уже давно о нём ничего не знаю. Он успел поменять тысячи адресов. Последнее, что я помню, это были Антильские острова. Его зовут Жерар Гегуан. И убирайтесь отсюда, иначе я вызову копов.

Она грубо захлопнула дверь перед моим носом.

– Если ваша дочь вас не интересует, – крикнул я, теряя хладнокровие, – грош вам цена, как матери.

Приглушённый голос из дома был адресован уже не мне:

– Моя дочь не должна поступать как я, чтобы вылезти из дерьма.

Я понял, что настаивать бесполезно и развернулся, чтобы покинуть дом. В тёмном саду деревья обливались дождём. Свет уличного фонаря в конце тупика, казалось, танцевал в ночи последний раунд смерти. Вот так мне было тоскливо на душе. Этот пресловутый материнский инстинкт, похоже, разделяют не все. На островах Тихого Океана есть женщины, отдающие своих новорождённых на воспитание другим людям, кто воспитает их лучше. Эта практика до сих пор существует во Французской Полинезии. Таким образом, есть матери, которым глубоко наплевать на этот инстинкт. Пере-

жёванная эти черные мысли, я сел в машину.

* * *

Если ворота у Шнебея были закрыты, то наверху в гостиной горел свет. Прямо перед капотом моей машины ворота по невидимым рельсам раздвинулись, впустив меня вовнутрь, словно по волшебству. Он встречал меня у входа.

– Я узнал вашу машину и сразу открыл ворота. В любом случае я не спал.

Он взял меня под локоть, подталкивая вперёд.

– Проходите.

Усевшись в кресло, я рассмотрел его более внимательно. Его лицо резко состарилось за эти дни. Пепельного цвета глаза приуныли и покраснели. Бледное лицо как-то сморщилось и ожесточилось, и больше напоминало гипсовое изваяние.

– Итак, полиция ничего не нашла, – пробурчал он.

Повсюду пустые и наполовину наполненные стаканы, даже один стоял на клавиатуре пианино. Я вообразил диалоги на повышенных тонах, которые звучали здесь постоянно. Крики и проклятия эхом проносились сквозь молчаливые стены дома. Только картины, как окна в мир прекрасного, где ничто не может нарушить спокойствие, умиротворяли интерьер. Салон в этот вечер был пропитан парами алкоголя. Перехватив мой взгляд, он пробурчал:

– Я много выпил сегодня.

– Моя бабушка говорила: «Я пью, чтобы утопить свои печали, к сожалению, мои печали умеют плавать. Это не помогает». Почему вы скрыли, что Гвен вам неродная дочь?

– Это я растил её с годовалого возраста. Я лез вон из кожи для неё. Впрочем, что сейчас это обсуждать. После развода судья мне присудил оставаться с ней полное время, а не её матери. Судья была женщиной. Так что она по праву моя дочь.

– Ну, теперь уж нет. Она убежала, чтобы разыскать своего настоящего отца!

Его лицо ещё больше побледнело, стало прозрачным, как будто кровь отхлынула от лица.

– Это моя дочь, я её воспитал! Она всегда знала, что биологический отец бросил её, когда она была младенцем.

Я с горечью подумал:

«Бедный ребёнок, она болталась между матерью, отвергавшей её, и слишком одержимым отцом. Как, должно быть, нелегко было существовать между этими двумя полюсами. Я начинаю понимать, почему она удрала». Я подбросил в диалог нелестную для него фразу, чтобы поставить отца на место.

– По-видимому, ей не хватало настоящего отца. Иначе, она не уехала бы искать другого, но я и вправду не знаю, где он.

– Вы думаете, её можно найти? – спросил он задетый.

– Возможно. Но если она захочет жить с ним, я умываю руки.

– Вы не сможете сделать этого.

– Смогу.

– Тогда мне конец, – сказал он, переминая ладонями, с видом мученика, брошенного в огонь Инквизиции.

– Я должен вам сказать, что половину жизни вы проводите в своём госпитале, распираемый гордостью, что вас принимают за мэтра вселенной, а при малейшей бытовой трудности вы ведёте себя как последний клошар.

Я видел в отношении к дочери своего рода безрассудное сумасшествие. Я сгорал от желания спросить, кого он действительно хочет защитить: себя или свою дочь. Он грустно молчал. По его щекам текли тихие слезы. И вот он уже не более чем бедолага, который едва держался на ногах и у которого заплетался язык.

За окном опять пошёл дождь. Капли скользили по эркерному окну. Я чувствовал себя окружённым потоком слёз, как будто вся земля зашлась слезами. Хватит! Я встряхнулся, чтобы вернуть самообладание.

– Что вы собираетесь делать? – спросил он.

– То, что только что сказал: найти её и выяснить, чего она хочет, вернуться или остаться со своим отцом. Насколько я понял, ваша дочь в отчаянии, как и вы. Вы поспособствовали этому в значительной степени.

– Вы знаете, где она находится?

Его лицо застыло на несколько мгновений в оцепенении. Вдруг его взгляд изменился, наполняясь пламенем гнева.

– Найдите её! – приказал он.

– Я найду её, но не для вашего уязвлённого самолюбия покинутого отца, а для её собственной определённости.

Я встал и повернулся к нему спиной. Мне уже поднадоел этот интеллигент, который позволял собой манипулировать. С поникшей головой, шатаясь, он поплёлся вглубь салона. Едва державшись на ногах, на ходу он схватил стакан и выпил его залпом. Улучив момент выйти, я спустился по металлической лестнице. Мои шаги гулким эхом раздавались по дому. Внизу, покидая жилище, я тихо прикрыл дверь, чтобы не разбудить его воспоминания.

* * *

На улице все ещё шёл дождь. Серый дождь, повис темной пеленой над маленькой деревушкой. Несколько домов цвета мокрого гранита, окружающих дорогу, слились с асфальтом. Деревья сгибались под ветром, обливаясь слезами. Шум ливня и прилива напоминал гул невидимого мотора, усиливающегося от накатывающих волн.

Слишком поздно было ехать домой. По правде сказать, я не хотел оставаться один в моём балагане, поэтому взял номер в отеле в Лармор-Пляж. Терраса маленького отеля была резко освещена и вся залита дождём. Опрокинутые спин-

кой к столам стулья оставляли за собой струйки воды, бежавшие к переполненному водосточному жёлобу. Во все ещё открытом баре я попросил бутылку виски, чтобы попытаться уснуть. Бармен осмотрел меня с усмешкой, видно, у меня был жалкий вид. Но когда я заплатил ошеломляющую сумму за ночной виски, взял деньги, не моргнув глазом.

Это была комната с обшарпанными стенами, с телевизором, зажатым в углу, и неизбежной картиной, изображающей побережье во время бури. Укутываясь в покрывало, я сделал хороший глоток виски, поставил бутылку на ночной столик и выключил свет.

Было без четверти восемь, когда звонок будильника вывел меня из оцепенения сна, наполненного мерзкими кошмарами, где я безостановочно отбился от кого-то. Я встал, принял душ и побрился, потом заказал плотный завтрак по телефону. Пятнадцать минут спустя я уже сидел внизу перед круассанами с маслом, джемом, апельсиновым соком и большой чашкой кофе. Ничего и не надо, чтобы унять яростную головную боль.

Мрачные мысли крутились в моей голове. Я понимал, что девчонка убежала из дома, чтобы избавиться от мрачной атмосферы в семье, но её бегство чревато последствиями со всеми идиотами, блуждающими повсюду. Кто угодно может напасть на неё. Она села на поезд, как сказал Гюс, до города, название которого начинается с Шато в департаменте Майен.

Я смотрю через окно с пластиковыми цветочными горш-

ками на террасе, залитыми ночным дождём. С приходом дня стало видно, что это искусственные цветы, которыми обычно украшают могилы на кладбище. Тёмный туман окутал окрестности и дорогу непроницаемым облаком. Время от времени, какой-нибудь автомобиль рассекал лужи на дороге, подобно моторной лодке.

Я направился к администратору отеля, чтобы попросить карту Франции и попытаться найти место своего поиска.

– У нас нет карты, – ответила симпатичная девушка, с прикрепленным к её груди бейджиком: Соланж.

Её светлые волосы с медным отливом кудряшками падали на шею, а маленький носик придавал её красивому овальному лицу некое выражение шаловливой блудницы.

– Но я посмотрю на компьютере.

Она постучала по клавишам, не отрывая глаз от экрана, демонстрируя свою опытность. Через две минуты объявила:

– Все просто: только один город, соответствующий вашему поиску, Шато-Гонтье на юге департамента Майен.

– Тогда сделайте мне выписку.

– Вы уже покидаете нас? – спросила она, не скрывая сожаления.

– Увы! – я пытался завуалировать ответ улыбкой. – Но я могу вернуться.

– Если вы вернётесь, позвоните мне в отель, я чаще всего за стойкой. Номер телефона у вас на квитанции.

– Обещаю вам, но нужно, чтобы вы были свободной?

– Для вас я освобожусь, – сказала она, опустив веки. – Моя работа зимой не очень-то приятна...

Под её небрежно застёгнутой блузкой с декольте была видна нежная загорелая кожа. Она умело управляла движением моих глаз, позволяя разглядеть свою грудь, расстегнув верхнюю пуговку блузы. Её лицо – чарующая улыбка.

Ничего не сказав, я только приложил палец к губам, взял записку и вышел. Я быстро добрался до своей машины под мелко морозящим дождём и, сидя в машине, набрал телефон Шнебеля. Только после третьего звонка он ответил:

– Шнебель?

– Да.

– Франк. Мне нужны точные сведения. Родителя вашей дочери зовут Жерар Гегуан?

– Так сказала мне моя бывшая жена, – и добавил. – Вы должны презирать меня за вчерашнее, я потерял хладнокровие. Я обычно так не вижу себя. – Его голос холодный и строгий. Он казался адвокатом самого себя. – Я вышел из себя из-за личных проблем. Это стало последней каплей переполнившей чашу. Извините, Франк, я распустил слюни из-за моей бывшей. Она меня полностью уничтожила.

Я почувствовал, что ему надо выговориться, получить немного сочувствия. Я решил, пусть говорит, он может выболтать нужную мне интересную информацию.

Он продолжал:

– Она всегда меня выставляла ничтожеством, озабочен-

ным только своей работой, в то время как её любовники проходили колоннами, как на дефиле четырнадцатого июля. Тем не менее, я делал всё, чтобы защитить Гвен. Я знал их всех: Серан, интерн из их отделения, когда дочери не было и трёх лет, учитель физкультуры, шеф отделения реанимации, эндокринолог, коммивояжёры, продающие аспирин, член профсоюза.

Я жестоко прервал его, понимая, что он сотню раз повторял себе в оправдание одну и ту же молитву о собственных несчастьях:

– Скажите, а как я могу найти пресловутого Гегуана? Я ещё не просматривал ни телефонный справочник, ни Интернет, но сделаю это у себя. У вас есть какие-либо идеи?

– По номеру социального страхования, может быть! Ещё раз простите за вчерашний день. Я вынужден вас покинуть, срочная операция. Держите меня в курсе.

Он резко прервал разговор, как будто ему нужно было бежать куда-то. Думаю, он проделывал это с дочерью.

Я оставался какое-то время в машине, наблюдая за жизнью, пробегающей перед моими глазами, и размышляя о сложном типе, который только что повесил трубку. Люди пробегали мимо с опущенными головами, пытаясь защититься от мороси. Шнебель тоже с опущенной головой смотрел на реальность. Стоило его дочери сбежать, и лакировка придуманной им жизни облупилась.

Уличные фонари оставались зажжёнными в дневное вре-

мя, забытые кем-то, кто должен их погасить.

Я не мог отказаться от этого дела, неинтересного мне, но лицо девушки всплывало, как в неоконченном сне. Если я брошу, я предам её. Меня преследовало ощущение, что она в большой опасности, и я единственный, кто может вытащить её из беды. Я поморщился при мысли о важности, которую предавал самому себе!

В интернете я нашёл троих по фамилии Гегуан, они жили в Шато-Гонтье и окрестностях. У двоих буква Г была первой буквой в имени. Я решил навестить их всех без промедления.

* * *

Между Лорьяном и этим городком было более трёхсот километров. Я выехал в полдень, и когда прибыл на площадь Республики в Шато-Гонтье, было почти четыре часа. Уже темнело, как всегда, в это время года. Город как будто парил над горизонтом в сумеречном тумане, готовый взлететь над влажной зелено-голубой гладью ухоженных сельских угодий. Старый город, необычайно красивый, защищённый утёсом сзади, стоял прямо над рекой Майен. Другая часть города разлилась по плоской равнине, окружая величественное здание, которое некогда было больницей. Старый и новый мосты соединяли обе части города, образуя район, называемый Предместье, центром которого являлся монастырь Урсули-

нок.

Основание монастыря восходит к первой половине XVII века. В 1634 монахини были призваны епископом Анже для обучения девушек в духе христианства. Получив во владение элегантную усадьбу XV века Ля Туш, монахини воспитали плеяду благородных девиц. Именно здесь предводитель шуанов, враг Наполеона, Жорж Кадудаль встретил свою возлюбленную, а много лет спустя здесь получила воспитание будущая жена президента Пятой Республики.

Центральная площадь привлекательна старинным замком с церковью, в котором располагается Мэрия. Любуясь этой красотой, я решил выпить кофе и изучить карту города в кофейне напротив. Я узнал, что кофейня находится на месте бывшего рынка, улицы вдоль которого застроены зданиями конца XIX века. В этом месте встречаются три площади: площадь Республики, площадь Пилори и Поля Думера.

Я записал адреса всех трёх Гегуанов из телефонного справочника и пытался найти их на карте Шато-Гонтье.

Первый человек проживал на улице дю Риоше, справа от почты чуть ниже площади Пилори. Вдоль узкого переулочка тянулись высокие стены, за которыми находились усадебные участки. Одна небольшая усадьба с запущенным садом, скрывающим крутой спуск к реке, привлекла моё внимание деревянной вывеской на двери:

«Для встречи со мной, звоните здесь. Г. Гегуан, Художник». Я последовал предложению и позвонил. Дверь откры-

лась сразу же, как будто человек, открывший её, с нетерпением ждал моего появления. Его длинные белые взлохмаченные волосы, подобие гривы, и вытянутое лицо с длинным носом, всё в нём напоминало подобие лошади. Пронзительный голос резал слух. Нежно-розовая кожа младенца и вьющаяся шевелюра, обрамляющая огромную голову, казалось, бросали вызов законам природы. А его руки и ноги постоянно пребывали в движении. Он говорил с полужакрытыми глазами, наслаждаясь собственной речью.

– Полагаю, вы пришли, чтобы выбрать картины моей будущей выставки? Проходите, это здесь.

Он взял меня за плечо, направляя через грязную кухню. В раковине скопилась немытая посуда. В кастрюле на плите готовилось какое-то рагу. Стойкий запах еды пропитался во всём помещении, пронизывая стены и шторы, свисающие с окон. Похоже, кухню не прибирали лет сто. Здесь же стояли его картины, приставленные к перегородке. Довольно симпатичное полотно, изображающее спину обнажённой женщины, висело на стене. Я подёрнул плечами, чтобы освободиться от его жеста господства.

– Я пришёл не за живописью, у меня к вам вопрос.

Тип удивился, сжал челюсти, как будто пытался мне противостоять. Затем он спросил, утратив всю вежливость:

– Если не за холстами, каково черта вы заявились сюда?

– Я ищу человека с вашей фамилией и именем Жерар.

Весь интерес ко мне сошёл на нет, его лицо нахмурилось.

Морщины вокруг глаз и носа сделали выражение жалким и дурным на вид. Плечи согнулись, как под непосильной ношей. Глубокие морщины вокруг глаз, в скудном освещении, показали следы всех его бывших боёв и потерь. Он прокричал, брызгая слюной:

– Убирайтесь вон отсюда, у меня нет времени тратить его на всякую ерунду.

– Эта информация стоит немного денег.

При слове деньги его глаза округлились, а взгляд устремился к потолку, где тяжёлые дубовые балки напоминали возраст дома. Внезапно он исчез за зелёной занавеской. Я слышал, как он поднялся по лестнице.

В короткий миг отдёгнутого занавеса я заметил молодую симпатичную обнажённую женщину, лежащую на ковре, принимая позу перед мольбертом.

Кавалькада шагов послышалась с этажа, завершённая восклицанием.

– Дерьмо, дерьмо!

Теперь шаги спускались по лестнице, и он вновь появился с удручённым видом. Приоткрыв занавес, он показал на девушку, она повернулась ко мне.

– Это очень красивая модель, её кожа отлично воспринимает свет!

Я понимающе кивнул головой. Понятно, что это выражение скрывало более простую реальность. Художник же, ласкает свой слух, приукрашивая обыденность более живопис-

ными словами.

– Я не могу найти адрес, мне показалось, что я его записал. В кафе «Ля Пэ» на площади Поля Думера мы посмеялись, когда обнаружили, что у нас те же имя и фамилия! Я думал, что он оставил мне свой адрес. Не повезло, не смог найти. А вы кто?

Я нагло соврал:

– Тётушка оставила ему приличную сумму, а я отвечаю за поиск счастливого наследника.

Он осмотрел меня сверху вниз, пытаясь выяснить, правда ли, что я сказал.

– Может, это я, наследник? – спросил он меня, и внезапно его взгляд стал игривым.

– Меня это удивило бы. Человек, которого я разыскиваю, не является художником! Скажите, где я могу найти однофамильца, которого вы встретили в кафе?

– Ну, правда, я не знаю, чем он занимается, я не видел его в городе долгое время. Он говорил, что раньше много путешествовал по миру!

Я протянул ему банкноту в пятьдесят евро. Тип внезапно оживился, будто в его голову внезапно пришло озарение:

– Мне кажется, я припоминаю, что он живёт на Сан-Форт, в Пандю, недалеко от старого завода Маршана. Я часто там рисую. Но я не вполне уверен.

Он продолжал:

– Фабрика была построена в 43 году, и была важным объ-

ектом того времени. Из Нанта приходили баржи с товаром. Фабрика обеспечивала производство и переработку масла из арахиса, что хранилось на складе неподалёку.

После смерти отца, владельца мельницы и основателя компании, Феликса Маршана, место старика занял его сын в возрасте 27 лет. Именно он построил завод во время войны, строительство которого заняло много времени!

Руководство компанией затем продолжила его дочь Сильви Фуре-Маршан. Она построила большой дом возле маслозавода, почти замок. В 60-е годы были построены дополнительные склады к западнее улицы Феликс Маршан. Улица тянулась вдоль реки Майен. Цистерны, для хранения масла появились лишь в конце 60-х годов. В 91 году здание завода было демонтировано и продано американской компании Каржилль. Остались только шлюзы. С тех пор фирма Маршан специализируется на производстве упаковочного материала для масла. Он обитает где-то там.

– Парень, о котором идёт речь, Гегуан, может жить в этом районе?

– В этом районе много старых бараков, которые можно взять напрокат не очень дорого. Скажу вам больше, мой тёзка не богат, скорее даже без единого гроша в кармане.

– Мне холодно, – крикнула девушка, – я задубела!

– Тогда одевайся, – кричащим голосом скомандовал старик, – на сегодня сеанс окончен.

– Сколько ты мне заплатишь?

– Сколько это стоит? Ничегошеньки, я не успел сделать даже мазка кистью!

Девушка с шумом одевалась, затем изрыгнула:

– Ты старый ублюдок! Я разделась и никаких денег.

На что он ответил:

– Тебе это ничего не стоит, старушка!

Я продолжал, пытаюсь прерывать их спор:

– Боюсь, сведения не стоят так дорого, но стоит их проверить.

За его спиной девушка устроила настоящий разгром. Она яростно раскачивала гончарные изделия на полу и, видя, что я собираюсь уходить, вышла со мной, натягивая пальто на ходу. Затем взяв меня под руку, прошептала тихо на ухо:

– Давайте удерём!

– Шлюха, ты испортила мою работу! – орал художник.

– Твоя работа ничего не стоит, дерьмо! – парировала девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.